
Дина
ТРУБЕЦКАЯ
РАЗВОД
Сожженные мосты

Дина Трубецкая
Развод. Сожженные мосты

https://litres.ru/74748088
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж — идеальный. Звонит из каждой командировки, помнит про мой гастрит, пишет «целую вас с Сонькой» перед сном. Я засыпаю рядом с ним и точно знаю: мне повезло.

А потом кадровичка на работе роняет фразу, которая застревает во мне, как осколок: «Хорошие изменщики делают всё правильно. Ты его подозревать не будешь — ты на него молиться будешь». Я смеюсь. Я же не такая дура, правда?

Но в кармане его куртки лежит детская варежка. Розовая, с помпоном. Нашей дочери она мала года на четыре.

Он говорит — соседки. Только я знаю: у соседки нет детей.

И вот я стою в аэропорту с глупым шариком-сердечком, хочу сделать мужу сюрприз. Он выходит из зоны прилёта — родной, улыбающийся.

А навстречу ему через весь зал бежит светловолосая девочка в розовой курточке и кричит на весь аэропорт: "Папа!"

И он раскрывает ей руки.

Шарик выскальзывает из моих пальцев и уплывает под потолок. Вместе с ним — вся моя жизнь.

Он ещё не знает, что я всё видела. А я ещё не знаю, что это — только начало!

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Дина Трубецкая
Развод. Сожженные мосты

Глава 1

— Двадцать лет, девочки. Двадцать. — Валентина Сергеевна из отдела кадров понижает голос до того особого шёпота, которым в офисах пересказывают чужие трагедии — вроде и сочувственно, а глаза блестят. — Живёт себе баба с мужем, всё как у людей. А у него на другом конце города дочь растёт. Не месяц, не год — двадцать лет параллельно.

Наш опенспейс замирает. Даже принтер, кажется, перестаёт гудеть. Ленка из соседнего отдела разворачивается на стуле всем корпусом, забыв про недопитый кофе, Марго тянет шею из-за монитора.

— Да ну, — не выдерживает Ленка. — Двадцать лет? Это ж не иголку спрятать.

— А вот так. — Валентина Сергеевна разводит руками, довольная произведённым эффектом. — Ольга Петровна, бухгалтер наша бывшая, помните? Вот про неё и рассказываю. Узнала случайно, уже когда та девка взрослая была. Институт заканчивала. С его фамилией, представьте. С отчеством его.

Я стою у кулера со стаканчиком, слушаю вполуха и не мо-

гу сдержать усмешку. Потому что бред же. Полный, законченный бред.

— Слушайте, ну это надо совсем слепой быть, — говорю и сама слышу в своём голосе снисходительность отличницы, которая никогда не попадала в неприятности. — Двадцать лет. Куда она смотрела? Деньги куда-то уходят, времени вечно нет, телефон прячет — да тут любая через полгода всё поймёт.

— Ой ли, — Валентина Сергеевна смотрит на меня чуть дольше, чем нужно, и мне почему-то становится не по себе от этого взгляда. — Ты, Аль, молодая ещё. Уверенная. А знаешь, почему двадцать лет не замечала? Потому что хорошие изменщики — они всё делают правильно.

— В смысле правильно? — фыркаю я.

— В прямом. — Она пожимает плечами и разглаживает несуществующую складку на юбке. — Плохой муж где ошибётся — там жена и поймает. Помаду на воротнике, чужой волос, звонок ночной. А хороший ничего такого не оставит. Он и цветы вовремя, и «люблю» перед сном, и деньги в дом. Он такой заботливый, что тебе и в голову не придёт. Ты его подозревать будешь? Ты на него молиться будешь, вот что. И проглядишь всё до последнего.

Кто-то нервно хмыкает. Марго крестится, полушутя. А я стою со своим стаканчиком, и вода в нём почему-то кажется невкусной.

— Мрак какой-то, — говорю, чтобы закрыть тему. —

Пойду работать, а то с вами тут всю статистику разводов наслушаюсь.

Все смеются. Расходятся. Валентина Сергеевна уплывает к себе в кадры, унося сенсацию в другой отдел. А я возвращаюсь за стол, открываю таблицу, которую заполняла до перерыва, и обнаруживаю, что смотрю в неё уже минут пять, а цифры не складываются.

Хорошие изменщики делают всё правильно.

Дурацкая фраза. Прилипчивая, как реклама. Я гоню её, а она возвращается — не потому что я в чём-то сомневаюсь, а просто потому, что вертлявая, назойливая, лезет в голову без спроса.

Мой Денис делает всё правильно.

Мысль приходит сама, непрошеная, и я тут же злюсь на себя за неё. Потому что Денис действительно делает всё правильно — но не потому, что заметает следы, господи, а потому, что он такой.

Он мне звонит из своих командировок каждый вечер, сам, я его об этом ни разу не просила.

Он помнит, что у меня в декабре обостряется гастрит, и таскает мне из аптеки эти пакетики, названия которых я даже выговорить не могу.

Он в прошлом году, когда наша Соня свалилась с ротавирусом и я вторые сутки не спала, приехал с работы среди дня — бросил совещание, — и сказал: иди ляг, я сам. И сидел с ней, отпаивал с ложечки, а я отсыпалась.

Такой человек не заводит вторую дочь на другом конце города.

Такой человек просто хороший муж, и всё.

Я закрываю таблицу. Открываю снова. Смотрю на часы — до конца рабочего дня ещё три часа, а мне уже хочется домой. К Денису. Хотя Дениса и дома-то нет — он в Самаре, вернётся послезавтра.

Послезавтра. Я цепляюсь за это слово, как за поручень.

Вечером, укладывая Соню, я всё ещё ношу эту фразу в себе, как камешек в ботинке.

— Мам, а папа когда приедет? — Соня зевает, обнимая потрёпанного зайца, которого таскает с собой с двух лет.

— Послезавтра, зайка. В четверг.

— А он мне что привезёт?

— Что-нибудь привезёт. Он всегда привозит. — Я подтыкаю ей одеяло. — Спи.

Она засыпает почти мгновенно, как умеют только дети, а я ещё долго сижу на краю её кровати в темноте и слушаю ровное сопение.

Дурацкая Валентина Сергеевна. Дурацкая Ольга Петровна с её двадцатью годами. Заронили в меня эту дрянь, а мне теперь с ней спать.

Достаю телефон. От Дениса сообщение, пришло час назад, я не слышала:

«Замотался, только сейчас выдохнул. Целую вас с Сонькой. Послезавтра обниму так, что рёбра затрещат. Спокой-

ной ночи»

Я перечитываю и улыбаюсь в темноте. Ну вот. Вот тебе и «хорошие изменщики». Хороший муж — это просто хороший муж, Аля. Не выдумывай.

Я убираю телефон и иду спать, и почти забываю про весь этот разговор.

О куртке я вспоминаю в среду утром, когда лезу в шкаф за своим пуховиком.

Денисова серая куртка — та, что он обычно берёт в поездки, — висит на месте. Значит, в этот раз улетел в другой, синей. А в кармане серой я нашла на прошлой неделе, когда чистила её перед сезоном, чужую вещь.

Детскую. Маленькую вязаную варежку — розовую, с белым помпоном, на резинке, какие пришивают малышам, чтобы не теряли.

Тогда я не придала этому значения. У Дениса племянники, коллеги с детьми, он вечно кого-то подвозит, что-то передаёт. Сунула варежку в карман его куртки обратно и забыла.

А сейчас, застёгивая пуховик, я снова натыкаюсь на неё взглядом — розовый помпончик торчит из кармана — и почему-то не могу пройти мимо.

Нашей Соне восемь. Ей эта варежка мала года на четыре. Она никак, ни при каких обстоятельствах не могла оказаться в кармане у Дениса «случайно от Сони».

Я стою перед шкафом и держу эту варежку на ладони, и

она ничего не весит, совсем ничего, а рука почему-то дрожит.

Хорошие изменщики делают всё правильно.

Глава 2

Нет. Прекрати. Варежка. Ребёнок. Коллега. Племянница. Сто объяснений, любое подходит.

Я убираю её обратно. Ухожу на работу. Весь день таскаю в себе этот розовый помпон, и он мешает мне дышать ровно, как будто застрял где-то под горлом.

А вечером звонит Денис — раньше обычного, часов в семь, я ещё в машине, забираю Соню от свекрови.

— Привет, красавица моя. — Голос тёплый, усталый, родной до боли. — Как вы там?

— Нормально. Соню везу. — Я держу руль одной рукой, телефон прижат плечом к уху. — Ты чего рано сегодня?

— Соскучился. — Он смеётся. — Слушай, я тут раньше освобожусь, похоже. Может, сегодня прилечу, не в четверг. Я тебе позже напишу точно, ладно?

— Ладно, — говорю, и сердце глупо подпрыгивает от радости.

И вот тут — сама не понимаю, зачем, слова выскакивают раньше, чем успеваю их придумать, — я спрашиваю:

— Ден, а чья у тебя в куртке варежка? Розовая такая. Детская.

Пауза.

Короткая. Меньше секунды. Наверное, если бы я не ждала эту паузу подсознанием, я бы её и не заметила. Но я ждала.

И я её услышала — эту крохотную заминку, этот вдох перед словами.

— Какая варежка? — говорит он совершенно спокойно. — А, это… соседкина, Ленки с пятого. Она в лифте выронила, а я подобрал, сунул в карман, забыл отдать. Ты чего, ревнуешь меня к варежке?

Он смеётся. И я смеюсь. И мы говорим ещё пару минут о ерунде, и он вешает трубку, а я сижу в машине перед домом свекрови, и Соня уже машет мне из окна, и всё хорошо.

Всё хорошо.

Только у Ленки с пятого нет детей. Я знаю это точно, потому что она сама, полгода назад, стоя со мной в очереди у почтовых ящиков, плакала мне в плечо о том, что они с мужем никак не могут, что уже все клиники обошли, что она себя чувствует бракованной.

У Ленки с пятого нет детей.

А варежка есть.

В четверг Денис пишет, что всё-таки прилетает в четверг — «планы поменялись, буду дома часам к трём, не жди с готовкой, перекушу в дороге».

Я читаю это сообщение и понимаю, что не выдержу до трёх.

Не потому что я что-то решила. Я ничего не решила — я просто не могу больше носить в себе эту варежку, эти вопросы, эти сомнения.

Я хочу, чтобы кто-нибудь мне объяснил, что я сошла с

ума. Что варежек на свете миллион. Что паузы мне почудились.

Я хочу, чтобы Денис приехал и обнял меня, и вся эта дрянь рассыпалась в пыль от одного его взгляда.

Он летит из Самары. Аэропорт у нас за городом, сорок минут по трассе. Я знаю, каким рейсом он обычно возвращается, — утренним, самарским, в одиннадцать пятнадцать.

Я миллион раз встречала его, стоя у стеклянных дверей зоны прилёта с дурацким сердечком из воздушного шарика, которое покупала в киоске, чтобы посмешить.

И я решаю встретить его снова. Отпроситься с работы, приехать в аэропорт, дождаться, обнять первой — не ждать до вечера, когда увидимся дома. Просто посмотреть на его лицо, когда он выйдет и увидит меня.

По его лицу я всё пойму. По одному только лицу.

Я отвожу Соню в школу, разворачиваюсь и еду за город.

Табло показывает, что самарский рейс приземлился по расписанию, одиннадцать пятнадцать. Я стою у стеклянной стены зоны прилёта, среди встречающих, с бешено колотящимся сердцем, и вглядываюсь в поток выходящих людей.

Чемоданы, куртки, усталые лица, объятия, таблички с фамилиями.

И вот он.

Я вижу его раньше, чем он меня, — он идёт, катит за собой чемодан, что-то говорит по телефону, улыбается.

Живой, родной, мой.

Сердце подскакивает к горлу, я делаю шаг вперёд, поднимаю руку, чтобы махнуть, чтобы окликнуть, чтобы всё это глупое наваждение наконец кончилось…

И в эту секунду к нему подбегает девочка.

Маленькая, лет пяти, светловолосая, в розовой курточке. Она несётся к нему через весь зал, крича на бегу так звонко, что слышно даже сквозь гул аэропорта:

— Папа!

И Денис — мой Денис — бросает чемодан, приседает на корточки и раскрывает ей навстречу руки. Ловит её, подхватывает, подбрасывает, и она заливается смехом, и обнимает его за шею обеими руками — той самой хваткой, которой обнимает меня по вечерам наша Соня.

А следом идёт женщина. Спокойно, никуда не торопясь, с сумкой на плече и с той уверенной, хозяйской неспешностью, с какой ходят по своей территории.

Она подходит, привстаёт на цыпочки и целует Дениса в щёку. И поправляет девочке воротник розовой курточки.

Сердечко из воздушного шарика выскальзывает у меня из пальцев и медленно уплывает под потолок аэропорта.

А я стою и не могу вздохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.